

Михаил Осоргин

Круги

Молодой человек, здоровый и сильный, в летнем костюме, сидел на берегу реки, у самой воды, и бросал камушки, от которых по воде расходились круги. Половина шестого, а ее нет: что-то ее задержало, но, конечно, придет. Она написала, что должна сказать нечто очень важное. Он волновался, догадываясь об этом важном; он волновался по-хорошему, заранее решив, что он ей скажет. Брошенный камушек или булькал, или чмокал, смотря по тому, как его бросить. Вода была совершенно гладкой, так что каждый кустик того берега в ней отражался. Круги бежали сначала крутыми, потом все более пологими валиками, сначала спешно, потом спокойнее. По ним перекашивался, как лодочка или как ленивая утка, упавший в воду лист. Вот полному кругу уже нет места на узком течении реки, его края уходят в рощицу водорослей, слегка их шевеля, а по обе стороны бегут почти параллельные линии, и в них запуталось отраженное облако. В середине уже гладь, но еще долго качается травинка и топчется на месте поблескивающий зайчик.

Она расскажет, смущенно и боязливо, что произошло непоправимое и что как же теперь быть? А он ответит, что он случившемуся рад, а как быть - он отлично знает. До сих пор, живя настоящим, они не обмолвились о будущем, просто - не думали о нем. А теперь они поженят-ся, вот и все. Кажущаяся сложность, чуть не катастрофа, превратится в простое и естественнейшее событие; конечно, полная перемена жизни, но иначе и быть не должно. И от сознания того, что сейчас все решится просто и никаких слез не нужно, а, напротив, наступает время новой, большой и серьезной радости, и что в эту радость введет ее он, - от этого сознания он чувствовал себя важным, спокойным, настоящим мужчиной, даже отцом. Она, конечно, догадывается, что так будет, но нужное слово скажет он, скажет ласково, просто и очень уверенно. И уже много раз он повторил про себя предстоявшую маленькую речь. И потом они будут сидеть рядом, молча, будут смотреть в воду и вместе думать, видеть образ их будущего.

Они сошлись недавно, а знакомы уже года три. Картины первых встреч ясны в памяти. У нее была подруга, их и познакомившая. Трагична судьба этой подруги! Она была веселой, красивой, любимицей родителей. Теперь, после страшного случая, ее родители от горя сломились и состарились. Ей было двадцать лет, в ее жизни не было еще никаких забот, она училась, и все ей давалось легко, и легкой, открытой и привлекательной она была в дружбе, как позже была бы и в любви, когда пришло бы ее время. В своей жизни она испытала, - если поняла, - только один миг ужаса, и он был ее последним мигом жизни, когда удар свалил ее и подмял под колеса грузовой машины. Это нерасказуемо, как все чудовищное и бессмысленное. Весть об этом несчастье мutilа сознание всех, знавших ее и любивших, а не любить ее было нельзя; весть об этом тяжелой гирей рушилась на голову и бревном подкашивала ноги, так что люди вскрикивали и падали, не мирясь с невозможным, не вмещая в свое сознание происшедшего безумия. Даже те, кто ее совсем не знали и только прочитали в газете о гибели молодой девушки, даже и они пережили минуту боли и жути и подумали о том, что так все-таки нельзя, так слишком несправедливо.

Был взрыв горя и ужаса, как извержение вулкана, как бунт воды, взбудораженной падением камня. Отец и мать, люди бодрые и возраста среднего, от утра до вечера прожили тысячу лет, согнулись в дряхлости, утратили ясность сознания, перешагнули черту обычных человеческих ощущений. Над свежепримятой землей, прикрытой остовами венков, тряслись их головы, и их глазам не хватало утешающих слез. Уже не люди, а лишь оболочки людей, набитые горем, которое пройти никогда не может. Кругом еще много испуганных, подстреленных, задушенных тревогой, потерявших веру в справедливость: ее подруги, ее молодые поклонники, с кем училась, смеялась, бегала взапуски, играла в серьезность, мечтала, готовилась в дальний путь жизни, перекидывалась взглядом и словом. Всё - молодое, внезапно окруженное трауром, разрушенное, разграбленное царство игрушек, лент,

книжек, уроков, первого кокетства, конфет, цветов, взрывчатого смеха и забавной серьезности, сломанные ступени лестницы, разорванный план постройки, забрызганная кровью первая глава задуманной и едва начатой повести. Осколки разбитого зеркала, надломленное крыло...

Первые дни были страшны. Плохо спала даже хозяйка мелочной лавочки на углу улицы, где это случилось; она была из первых, увидавших колесо и кровь. Шофера с остановившимся взглядом увели под руда и отпайвали за стойкой кабачка; потом был протокол, и это лучше, чем если бы его растерзала толпа. Рассыльный мальчик, открыв рот, впервые наблюдал смерть. Кудрявая собачка подбежала понюхать, но ее отогнали. Случайные прохожие рассказывали дома, каким довелось увидеть страшное происшествие. Из уст в уста круговой волной прокати-лось по этому кварталу и за его пределы, но дальше затухло в движении машин и суматохе озабоченных людей. Новая волна окружила квартиру родителей погибшей девушки - покати-лась по дому, забегаая в чужие и чуждые подъезды, где охали и ахали, на минуту забыв о кастрюлях, где немного путали подробности, так что неизвестно, был ли то грузовик или легкая машина, сколько лет жертве и в каком точно подъезде она жила. В гараже, куда отвели грузовик, говорили о случившемся мрачно и неохотно, жалели парня, мыли колеса и выходили покурить на улицу: внутри гаража не разрешалось. В полицейском участке за день это был третий случай, но самый серьезный; о нем записано подробнее, а к вечеру было передано газетам. На столе лежали отобранные у шофера документы. В печальном бюро, на витрине которого красовались в рамках фотографии процессий грех разрядов, уже знали, что семья небогатая и все будет запрос-то, без пышности, приличествующей зажиточным людям. В цветочном магазине некрасивая девица прикалывала и привязывала белые цветы к соломенному кругу, но она знала, для кого готовят венок, потому что лента была заказана особо. Мальчик, относивший венок, получил на чай и возвращался, подпрыгивая и глаза по сторонам. И эта волна, уходя все дальше, затерялась среди каменных кубиков мостовой.

Самые близкие друзья возвращались с кладбища молчаливо, думая о себе. Горе из ужасного становилось красивым, прежним и навсегда оно оставалось только для стариков, которых привели домой, поберегли до вечера и оставили. Некоторые из подруг еще поплакали дома, и до вечера их глаза были красны и напудрены. Двое, ушедшие вместе, как-то особенно сегодня сблизились, вспоминая, что это она их познакомила. Он вел ее под руку - она позволила, и он был очень нежен, почтителен и осторожен, и их мысли были заняты очень важными вопросами - о жизни, ее смысле, ее краткости, хотя они говорили о другом, случайном и пустяковом, только чтобы не молчать. Было необычно, но хорошо. Каждый видел в другом новые, незнако-мые черты, может быть, самые лучшие, самые интимные, составляющие душевное богатство. Мимо них прошли другие, оживленно беседуя и даже смеясь,- это было несколько кощунст-венно, и они посторонились, уступая дорогу и не желая смешаться. Расстались у ее подъезда с необычным, очень скромным и все-таки значительным рукопожатием, и каждый, осторожно и важно донеся свою чашу горечи, после, уже дома, отпил из нее сладкий глоток. Было это очень странным и очень значительным. И все-таки настолько странным, что хотелось надольше продлить красивую грусть, скрывая ее простой улыбкой, но так, чтобы спрашивали: "Что с вами?" - И можно было ответить: "Ничего; так как-то... невесело". И потом можно было рассказать, как ужасно иногда поступает судьба, обрывая течение молодой жизни в самом начале. И они рассказывали, как и другие тоже рассказывали, о прекрасной девушке, трагически погибшей, которую они только накануне видели веселой, полной жизни и с которой были связаны близкой дружбой. Их слушали с сочувствием, потом переводили разговор на другое. Иногда оказывалось, что и у других были подобные случаи, о которых стоило рассказать. В живом разговоре удавалось рассеяться и дальше смеяться над каким-нибудь вздором, потому что они были молоды. Но не было в этом никакой измены памяти милой подруги.

Потом дважды приходила и уходила весна. Однажды девочка, дочь хозяйки мелочной лавки, выбежала на дорогу, чтобы схватить укатившийся мячик. За это мать надрала ей уши

и объясни-ла покупателю, что не зря наказывает дочь, что выбегать на дорогу очень опасно, и даже был на ее глазах однажды случай - и она рассказала про этот случай и, завертывая в обрывок газеты лук и морковь, прибавила: "Это было вот тут, против моей двери!" ...В кабачке близ центрально-го рынка сидели шоферы, закусывали, пили вино и говорили о разных неприятностях, связанных с их занятием. Один из них рассказал, как однажды, в дождливый день, он не мог затормозить и наехал на девуцу, которая не в указанном месте переходила дорогу; были, по счастью, свидетели, и его оправдали; ему было неприятно прибавлять, что девушку он раздавил насмерть, а товарищи об этом не спросили. Другие рассказали про свои случаи, в которых все они не были виноваты, хотя некоторым пришлось поплатиться. Из-под земли на поверхность вышли молодые люди, он и она, и долго прощались, стесняясь поцеловаться при публике и лишь пожимая взаимно руки. На их лицах было смущение, но счастливое, и они уже, неизвестно в который раз, напоминали друг другу, что увидятся опять послезавтра, в то же время. Она просила его не провожать, но он хотел вот хоть до того угла. Отсюда ей было совсем близко, а он решил пройти пешком и шел бодро, чувствуя себя любимым и мужчиной. Когда он несколько под углом переходил улицу прямо к мелочной лавке, по лицу его на минуту мелькнула тень, но воздух был так хорош и походка его так легка. Из подъезда вышел старик с трясущейся головой, и его поддерживала жена, тоже старая, но гораздо крепче его; им вслед с сожалением и неодобрением смотрела консьержка, женщина строгая и благоразумная. Старики обедали неподалеку в дешевом ресторане; после второго блюда она спрашивала: "Ну, как, ты сыт ли?", и он неизменно отвечал: "Я вполне сыт, было очень вкусно". И они выпивали еще по чашке кофею, за которым он подремывал. Потом они возвращались тою же дорогой домой, долго подымались по лестнице, входили в квартиру, в которой была комната-столовая, была их спальня, а третья комната, небольшая, была оставлена в том самом виде, в каком ее в последний раз видела их погибшая дочка. Эта комната каждый день тщательно подметалась и проветривалась; старуха делала это сама, а потом звала мужа посмотреть; они не присаживались, а стоя осматривали кровать, стол и картинки на стенах. Всё было в образцовом порядке.

Когда третья весна незаметно перешла в лето, некоторые семьи, посчастливее, переселились в деревню, лучшие места для отдыха там, где есть река. Бывают в таких местах удачные встречи. Прекрасны прогулки на берегу.

Молодой человек посмотрел на часы, не без тревоги. Но она, конечно, придет, иначе не послала бы ему записки и не упомянула бы о "важном". Он был до удивительности спокоен, хотя сначала волновался. От камушков расходились круги, крутыми, затем отлогими валиками, и рыбы были недовольны, что нарушают их покой. Проплыла ветка, кем-нибудь сорванная и брошенная, обреченная на гибель. В полной неподвижности застыла в воздухе бронзовая стрекоза. Световой зайчик прыгал с валика на валик, суетился и никак не мог убежать. Шевелились травинки, потом успокаивались до нового камушка. В каждый момент в природе что-нибудь умирало и что-нибудь рождалось, ряд маленьких трагедий и больших радостей, в строгом учете чета и нечета, в гармоничном спокойствии, в необходимом равновесии смерти и жизни. Там, где расширившийся круг наплывал на преграду берега или речной травы, происходил как бы прибой волны, заметный и ощутимый для песчинок и для легких стеблей. Где этим волнам было просторно, там в неизвестной точке они сводились на нет.

Потом, вероятно, приблизились к берегу легкие шаги.